

АННА ХАНСЕН

А что, если
моя девушка - янки?

2026

Анна Хансен

А что, если моя девушка – янки?

«Автор»

2026

Хансен А.

А что, если моя девушка – янки? / А. Хансен — «Автор», 2026

Десятиклассник Андрей Шумский мечтает только об одном — чтобы его, наконец, оставили в покое. Но едва ему удастся избавиться от навязчивого внимания одноклассниц, как рядом появляется новенькая Ляля — девушка из США, которая без спроса занимает место за его партой. Она игнорирует его холодность, не боится насмешек и будто знает о нем больше, чем должна. Шаг за шагом Ляля разрушает мир, который Андрей построил после смерти отца. И когда ему кажется, что он вот-вот избавится от назойливой янки, один ее поступок заставляет усомниться: кто на самом деле начал эту игру?

© Хансен А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Как пришла янки	5
Глава 2. Это была славная охота	10
Глава 3. Проверка на прочность	14
Глава 4. Настоящие друзья	19
Глава 5. Есть чем гордиться	25
Глава 6. Дела семейные	30
Глава 7. Кладбищенские страсти	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

А что, если моя девушка – янки?

Глава 1. Как пришла янки

Проклятый IQ-тест! В сотый раз смотрел я на кружочки-квадратики и не понимал, как с помощью этой дряни можно что-то измерить, особенно интеллект. И плевать бы на результат, но мать слепо верила в него.

— Помни, сынок, ты посредственность, — с раздражающим хладнокровием говорила она.

Эту фразу я слышал, когда делился с ней, что хочу на программную инженерию или буду участвовать в вузовских олимпиадах. Вдруг я забуду, что у меня IQ 93!

Вы скажете, быть посредственностью – это нормально. Нет ничего постыдного в том, что ты не гений, а обычный парень со средним уровнем интеллекта. А я скажу, что ни хрена вы не понимаете!

Фигуры уже плыли перед глазами, когда я услышал голос класрука:

— Знакомьтесь с Леной Бричкевич! Она будет учиться в нашем 10 «В». Лена приехала из Америки.

Новенькая перебила классную звонким как у девочек из детского сада голоском:

— Ляля! Я хочу, чтобы меня называли Ляля! Буду реагировать только на такое обращение!

О как! Я оторвался от гипнотических фигур, хотя изначально не собирался уделять внимание очередной, двадцать первой по счету клуше.

Она оказалась ничего. Стройные ноги, голубые глаза, темные волосы чуть выше пояса. Мой френд Сандрыч отнес бы ее к категории «чикит» и «бомбит». За точность терминологии не поручусь, ибо я, в отличие от Влада, не проводил исследования особей противоположного пола. Временами я даже волновался оттого, насколько они мне безразличны, если не сказать неприятны.

— Я думала, лялями пупсиков зовут, — с нескрываемой иронией заметила класрук. — Но ты, главное, не переживай. Мы будем обращаться к тебе как пожелаешь.

Пора раскрыть карты: класрук – моя мать. Она тот еще тролль! Когда ей в руководство определили бабский гуманитарный класс, она сразу отправилась в аптеку за успокоительным.

— Если после двух лет с тобой в этом «розарии» я останусь жива, буду требовать себе нагрудный знак «Спасатель первого класса», — решительно заявила она, когда вернулась.

— Почему? — со смешком поинтересовался я.

Мать картинно вздохнула.

— А что непонятного? Мне придется день и ночь держать круговую оборону от посягательств юных леди на честь и достоинство сына, — едко заметила она.

Если честно, тогда я не поверил ее словам. Взглянув на себя в зеркало, я нашел там лишь высокую, светловолосую жердь, бедно одетую и нескладную. Ничего, что могло бы прельстить богатых наследниц, что учились в нашей гимназии. Это было оскорбительно, что мать отводила мне роль жертвы, а себе – супергероя.

Лишь в сентябре я понял, как сильно просчитался. И проклял себя за то, что весь девятый класс конфликтовал с Бульбеской, которая должна была взять физмат. Она наотрез отказалась видеть меня в своем классе.

Как результат я попал в класс матери с углубленным изучением английского языка, которого, признаться, ни черта не знал. И не один, а с клушами, день и ночь атаковавшими меня разными способами. Немудрено, ведь я по факту оказался единственным парнем в этом дурац-

ком классе. Болезненный Стас не радовал дам своим присутствием, а позже и вовсе перешел на домашнее обучение.

— Привет! Подвинься, я тут сяду! — раздался над моим ухом назойливый голосок Ляли.

Я проигнорировал ее просьбу. С сентября это была уже пятая попытка нарушить мой покой.

— О'кей, я сяду с другой стороны, — заметила она и с голливудской улыбкой плюхнулась на соседнее место.

Вначале мне показалось, что она говорит чисто, без акцента. Но потом я почувствовал в ее интонациях что-то, что выдавало в ней иностранку. Я готов поклясться, что ее «О'кей» какое-то настоящее что ли, в отличие от моего или Влатова. И это притом, что Сандрыч почти все прошлое лето тусовался в Штатах: его маман была там с деловой поездкой.

— Ты же не против моего вторжения? — запоздало поинтересовалась Лена-Ляля, глядя на меня невинной овечкой.

И снова что-то покорило меня в ее манере говорить. Особенно в том, как она произносила звук «ж».

— Мариту тебе в печень! Ты-таки удосужилась спросить моего мнения? А если я против, тогда что, вскроешься?! — сквозь зубы прошипел я.

Ее лицо выразило крайнее удивление. Очевидно, она не поняла про Мариту и вскрытие. Но в целом мой воинственный посыл должен был дойти до нее.

К этому моменту я уже отточил технику отказа. Одноклассницы часто пытались нарушить мое уединение на «камчатке» или, как я именвал свою парту, в «берлоге». В ответ они неизменно получали мои язвительные комментарии. Я позволял себе в открытую глумиться над их заигрываниями и выставлял их идиотками при всем честном народе.

Я наблюдал, как будет вести себя Лена-Ляля: сделает вид, что не поняла моего наезда, или надуетса и до конца урока просидит в обиде.

— Извини, что навязалась, — беззаботно прощепетала она. — Я сегодня первый день. Мне нужен сосед по парте, чтобы... Как это?.. Сориентироваться, вот!

Я бросил: «Алгебру достань!» и снова уткнулся в распечатки. С молчаливого согласия матери на ее уроках я решаю олимпиадные задачи.

Ляля вытряхнула из рюкзака свои причиндалы, пытаясь найти учебник. Когда ее поиски не увенчались успехом, она с тем же усиленным «ж» спросила:

— Можешь поделиться своим?

— Нет, — коротко ответил я.

Ее выражение лица в этот момент можно было смело записывать на камеру, чтобы потом обсудить с Влатом.

— А почему?

— Потому что у меня его тоже нет, — отрезал я и вернулся к системе уравнений, даже не взглянув на девицу.

— А что же ты тогда так сосредоточенно решаешь?

— Задачу.

— Какую?

— Алгебраическую.

— Откуда ты ее взял?

— Оттуда.

Этот замечательный диалог прервала мать, которая подсказала новенькой, что можно взять учебник в стеллаже в конце класса.

Ляля поднялась, обдав меня цветочным запахом своих духов. Я наблюдал, как она пытается вытащить учебник с верхней полки: в этот момент была хорошо видна задняя поверхность ее бедер.

Девушки в нашей школе носят нелепую форму под английских школьников: темно-синие пиджаки и юбки гармошкой до колена. Чтобы выглядеть эффектно, старшеклассницы укорачивают юбки так, что они едва прикрывают нижнее белье. И когда это успела сделать новенькая? Алгебру она забыла, а это нет.

«Клуша!» — подытожил я про себя и вновь погрузился в упрощение системы линейных уравнений, от которых меня отвлек гребаный IQ-тест.

— Что это у тебя? Вы тоже на IQ сдаете? — послышался рядом голос противной девчонки.

Я дернулся как на электрическом стуле. Спалила, зараза! Не успел я прийти в себя, как эта дура нанесла следующий удар.

— Какой у тебя уровень: «Средний» или «Хорошая норма»? — теперь уже с акцентом на «ш» прошептала Ляля.

Я напрягся, сочиняя колкий ответ. Жаль, она задела меня за живое! В моменты стресса я намертво зависаю, а война с клушами требует моментальной реакции. Нужно отвечать ударом на удар — резко, сильно, беспощадно. Наездом на наезд. Иначе их не победить.

— Хочешь сравнить со своим и испугаться? — спросил я с издевкой.

Плывать, что с опозданием. Главное, клуша примолкла. Значит, моя стрела попала в цель.

— Я и, правда, хотела сравнить, — пожав плечами, ответила она. На ее лице светилась виноватая улыбка. — Но если считаешь, что я лезу в personal¹, прошу меня простить.

До конца дня она больше не приставала с расспросами, но упорно садилась со мной. Ее маневры раздражали остальных девиц, но мне было параллельно на их соперничество. Ведь я не собирался становиться добычей ни одной из них.

Я мысленно подсчитывал, сколько дней мне понадобится, чтобы отвязаться от новенькой. Судя по тому, как быстро она заткнулась, недели хватит. Тогда я не подозревал, что вот-вот начнется мой персональный ад, и все предыдущие девчонки покажутся ангелами по сравнению с Леной-Лялей.

IQ 125. Я поражена! Вот когда понимаешь, что не стоит судить книгу по обложке.

Сначала американская девочка показалась мне недалекой. Глядя на то, как она преследует Дрюша, я не могла сделать другого вывода. Ее действия слишком предсказуемы. Однако Ляля ближе всех подобралась к Дрюшу, лучше других изучила его привычки. Уже через неделю она находила его и в библиотеке, и под лестницей, и в пристройке за лабораторией.

Дрюш по натуре замкнутый. Даже в таком месте, как школа, он умудряется находить укромные уголки и скрываться от остальных. Идти к друзьям ему часто не хочется, хотя Владик постоянно зазывает его то туда, то сюда искать приключений на одно место. Сидеть дома, в нашем лазарете, ему тоже не улыбается. К тому же мы так и не смогли позволить себе нормального компьютера. Вот и сидим в школе до восьми вечера: я в кабинете, он – в своих уголках и библиотеке.

Уже на третий день Дрюш начал беситься от Лялиных игр. Мы как обычно пришли домой полдевятого, покормили бабушку и проказницу Шебу (наша Русская голубая).

Только я собралась уединиться на кухне, чтобы в очередной раз посмотреть «Монте-Кристо» с Депардье, как приволокся Дрюш. С минуту он тревожно вздыхал и бросал на меня странные взгляды. Я упорно продолжала смотреть, как Депардье наклеивает уродливый нос и облачается в сутану аббата Бузони.

— Да оторвись ты уже от своего ящика! — вскипел Дрюш, вырвал у меня пульт и переключил на какое-то дурацкое кулинарное шоу. — Я поговорить хотел!

¹ Личное (англ.)

Это вывело меня из себя. Кто бы знал, как мне нужен этот час с любимым сериалом для душевного равновесия! Нелегко, скажу я вам, вести математику в школе для богатых, одной тянуть сына и умирающую мать. И все это, на минуточку, в однушке с облупленным потолком и протекающей сантехникой.

— «Монте-Кристо» верни!

— И не подумаю, пока не поговорим, — самодовольно заявил сын, пряча пульт за спиной.

Я горько вздохнула, понимая, что лучше послушать, ведь я еще и класрук в этом дурацком классе.

— Предлагаю компромисс, — простила я, — ты возвращаешь «Монте-Кристо», а я слушаю твои подростковые сопли.

Пока Дрюш переключал каналы в поисках сериала, я подумала, что, наверное, для матери подростка я грубовата, не учитываю особенности мышления, юношеский максимализм и все такое. Но ничего не поделаешь! Какая есть... Хорошо, что у меня сын, а не дочь.

— Вот твой фон барон! Наслаждайся! А теперь к делу, — ерзая на стуле, произнес Дрюш. — Что тебе известно о родителях этой янки?

— А-а-а? — сонно переспросила я, не отрывая глаз от Мерседес Мондего в исполнении Орнеллы Мути, моей любимой актрисы.

— Бэ-э, мама! — передразнил Дрюш.

Я заставила себя оторваться от экрана и посмотреть на сына.

— Зачем тебе ее родители? Вы что уже под венец собрались?

Бледное лицо Дрюша в момент покраснелось. Я так и не поняла, от гнева или от смущения. А может, от того и другого одновременно?

— Мама, прекрати иронизировать! Будь человеком, ответь на вопрос!

Из комнаты раздалось недовольное кряхтение матери. Мы с Дрюшем затаились. Не хватало еще, чтобы она проснулась!

— Дрюш, объясни, зачем тебе это. Я не совсем понимаю, — полушепотом заметила я.

Андрей замялся. Пока он собирался с мыслями, я отметила про себя, что у меня очень красивый сын. Высокий, с выразительными голубыми глазами, темными бровями и ресницами и по-шведски светлыми волосами. Будь я на месте Ляли или его детской подруги Сони, я бы тоже на него глаз положила.

— Я объявил ей войну, — коротко пояснил сын после продолжительной паузы. — Границы она уже перешла, показала, что не отступит. Значит, я должен применить силу. Иначе никак.

Я ожидала от Дрюша чего-то подобного. В своей социофобии он может быть довольно агрессивен. Раз Ляля бросила вызов основам его бытия, значит, будет война. Тут уж ничего не поделаешь.

— У Ляли нет матери. Девочка приехала в Россию с отцом и мачехой, — начала я, никак не прокомментировав заявление о войне. — Мачеху зовут Саманта, хотя на самом деле она тоже русская, ее зовут Ирина. Отец все время на работе. Саманте на девочку наплевать: ей дело только до себя. Так что почва благоприятная: лишь ты да Ляля. Никаких третьих лиц, которые будут обрывать мне телефон и жалобы строчить.

Дрюш задумался. Именно это он и ожидал услышать. За шестнадцать лет мы научились понимать друг друга с полуслова.

— Она наполовину сирота. Тебе не жалко ее? В гневе я могу быть страшен, — спросил сын после долгой паузы.

— Это ваше дело, — заметила я равнодушно.

Колебания делали честь Дрюшу. В этот момент я могла бы вставить какую-то нравоучительную реплику о последствиях грубого отказа, но предпочла воздержаться. Сын вырос. Ему решать, как поступать с девушкой, которая ему не нравится.

Так я думала, пока не увидела 125 баллов за IQ-тест. Я не смогла удержаться и протестировала Лялю как остальных учениц. С этого дня мое отношение к девочке изменилось. Не то чтобы я уже мысленно видела ее и Дрюшиных умных деток. Нет, это было иное чувство. Оно больше походило на сочувствие и понимание. Умная девушка оказалась одна в чужой стране.

Сколько я ни наблюдала за Лялей, я не видела у нее желания завести подруг. Другие девушки восприняли ее враждебно. Было понятно, зачем ей понадобился Дрюш. Он честный и молчаливый. Не обманет, не предаст. Вот только просто ей с моим сыном не будет. Его еще надо победить.

Глава 2. Это была славная охота

Иногда я чувствую, что у меня нечто общее с Кайлом Ризом, отцом Джона из «Терминатора». Детство я, к счастью, провел не в концлагере, но что-то похожее у меня было.

Когда мне было одиннадцать, внезапно исчез мой отец. Я так любил с ним играть, слушать его рассказы про иные миры, инопланетян! Потом он вернулся и увез меня в какую-то странную деревню, где все ходили в старинных нарядах, жили в большом, похожем на сарай доме и все время пели. Мне было интересно и весело, только я не понимал, почему мы не можем позвать маму.

И вот однажды я оступился и разбил голову. Врача мне не вызвали. Я лежал в жару и бреде, пока не пришла мама. Она долго кричала на отца. Что-то про лишение родительских прав, кажется.

После этого месяц в больнице. Еще год я молчал. Не хотел говорить, будто бы не ощущал такой потребности.

— Говорила я тебе, Алька, что муж твой с приветом! У тебя мозги где были – с сектантом связываться?! — причитала бабушка, глядя на мои странности.

— Алевтина Юрьевна, сожалею, но вынуждена поставить Андрюше «два» по литературе, — сетовала русичка Вадимовна. — На русском он хоть пишет, а тут молчит, ничего не говорит.

На это мать со вздохом отвечала:

— За что же «два»? Если он ответил или написал на «два», я бы еще поняла.

Все вокруг только и делали, что жалели меня. Я чувствовал, что под маской жалости кроется презрение и насмешка надо мной, матерью и бабушкой. Они считали меня ненормальным. Одна только Соня Муравлева, с которой мы дружили с двух лет, с уважением относилась к моей потребности молчать.

— Ты не хочешь говорить, да?.. Хорошо, тогда говорить буду я, — заявила она и тут же начала пересказывать мне скучный роман про какого-то рыцаря на службе короля Артура.

С ней всегда можно было делать, что хочешь. Хочешь молчать – молчи. Хочешь посмотреть «Гарри Поттера», смотри и дивись ее занудным комментариям. А хочешь – иди на городской пляж и сиди там, глядя на воду и Соню в нелепом купальнике. А еще она красивая, у нее карамельные глаза и темно-русые волосы. Ей единственной я рассказал свою версию смерти отца: он не умер, а погиб, его убили сектанты, потому что он захотел уйти от них.

Я думал обо всем этом, сидя за компом в тиши школьной библиотеки. На экране – код, в ушах – трек Nirvana, на столе – чипсы с колбой. Таков он, мой обычный вечер. Если грустно, достаточно напеть: “I'm so happy, 'cause today I've found my friends. They're in my head”, и все пройдет само собой. Это какая-то волшебная песня.

Так было и в этот раз. Я в свое удовольствие орал “Yeah, yeah!”, когда почувствовал подозрительное шевеление за спиной. Не успел я оглянуться, как кто-то звонким голосом без сомнительного «зе», по которому легко определить соотечественников за рубежом, пропел:

— I'm so lonely, that's okay, I shaved my head. And I'm not sad.

Я дернулся так, что вырвал наушники из порта. Я сразу узнал этот голос. Это была янки. Весь день я терпел ее. В классе. На большой перемене во дворе. После уроков в спортзале, где мы с парнями играем в волейбол. Теперь она добралась до меня и здесь. За что?!

— Прости, что напугала, — выдала она, пока я ползал по полу, проверяя, не порван ли провод. — Я обожаю Nirvana, вот и не удержалась!

Чертова дура! Ты меня чуть до инфаркта не довела!

— Что там у тебя? Давай помогу!

Нет! Ничего не надо, просто отвали!!!

Не успел я подумать так, как эта курица залезла ко мне под стол. Хорошенькую картину увидела бы Львовна, если бы ей взбренило вернуться! На полу разбросаны чипсы и пролита кола. Под столом сижу я, а в колени мне тычется красotka, юбка которой едва прикрывает трусы.

Оставив Лялю собирать с пола чипсы и распутывать наушники, я с достоинством поднялся и уселся обратно в кресло. Меня забавляло наблюдать за тем, как она ползает на четвереньках. У нее была неплохая подтянутая фигура и удивительные глаза. Ярко-голубые.

— Ты что, линзы носишь? — поинтересовался я, глядя на нее сверху вниз. Лучшая форма доминирования!

Ляля подняла голову.

— Ты про цвет глаз? — спросила она.

— До тебя как до жирафа доходит, — заметил я с издевкой.

— Я не жираф, — настороженно отозвалась янки, поправляя юбку. — Всего пять футов семь с половиной дюймов.

Говоря это, Ляля выглядела так глупо, что я не смог удержаться от смеха. Как ни пыжилась, она была всего лишь янки. С трех лет в США, наш язык небось учила в русской школе. На физике янки не поняла, когда я брякнул: «Ты что, с дуба рухнула?» и уверила меня, что с деревьев никогда не падала.

— Че залипла?! Швабру бери – и вперед! По твоей милости тут гадюшник!

Я играл роль господина, сидящего на троне и раздающего указания служанке. Мне хотелось наказать янки за вторжение в мой мир. Было страшно даже представить, что будет, если она начнет так терроризировать меня каждый день. Это будет просто треш!

Веселье продолжалось. Ляля с трудом нашла подсобку, где хранился инвентарь, приперла оттуда деревянную швабру.

— Щетки нет, — с трудом выговорив «щ», поделилась она, — только эта палка.

В этом месте у меня отпало желание смеяться. Это уже начинало бесить.

— А тряпку взять не судьба? И в кого ты такая умная? — с раздражением произнес я.

Потом глупая янки пыталась совладать с мокрой тряпкой и шваброй, чуть не разворотила мебель. Мне пришлось ловить монитор, который она опрокинула.

Цирк продолжался до позднего вечера. И все бы ничего, но за этот день я не отдохнул ни минуты, не написал ни строчки кода, ни на йоту не приблизился к разгадке смерти отца. Полный раздрыв!

Закрывая дверь, я решительно заявил янки, чтоб ноги ее завтра здесь не было.

— То есть ты не хочешь меня видеть? — хлопая длинными ресницами, спросила Ляля.

Кажется, в этот раз она уловила смысл метафоры.

— Зришь в корень! Я тут работаю. Один. Без посторонних, — отчеканил я.

— Я так и знала: у тебя там какой-то интересный проект! — восторженно объявила Ляля.

Я кивнул, рассчитывая хоть на минимальное понимание с ее стороны. Она не была похожа на сумасшедшую.

— Сегодня из-за меня вышел хаос, — со смешком добавила она, глядя на меня с чертовым американским дружелюбием. — Но завтра обойдемся без этого. Ты мне все расскажешь, и я помогу с проектом.

Беру свои слова назад. Она больная!

— Да кто ты такая, чтобы решать, как мне работать?! — прорвало меня. — Это не бирюльки, меня заказчик ждет!! Отвали по-хорошему!

Я замолчал, тяжело дыша. Как сейчас помню, мы стояли посреди пустого коридора. Она смотрела на меня с щенячьим восторгом, а я трепетал от гнева.

— Я понимаю твои чувства, Андрей, но ничего не могу поделать, — сказала, наконец, янки. — Ты мне нравишься так сильно, что я все равно приду.

Бросив мне вызов, она послала воздушный поцелуй и убежала. Стук ее каблучков еще не умолк, когда я вломил кулаком в стену со словами: «Дура чертова!»

С этого дня началось преследование. Янки всегда была рядом. В классе. В коридоре. В столовой. На лестнице. Не успел я глазом моргнуть, как она за моей спиной сговорила с тренером и напросилась в нашу любительскую команду. Одна девчонка у нас уже была, поэтому Михалыч и не увидел в просьбе янки задней мысли. Зато парни быстро просекли, что к чему.

— Андрюха, глянь, жена твоя пришла, — со смехом гоготали они, завидя стройную фигурку Ляли. — Пасет тебя, чтобы другим не достался!

Я тихо матерился себе под нос, оглядываясь на тренера, а во время игры что есть силы лупил в сторону янки, словно хотел наказать ее за эти шутки и пересуды. Ляля с трудом вывозила мои подачи. У нее были краснящие руки, но она все равно улыбалась и не выходила из игры. Любой бы сжалился, но не я.

— Лупень ты, Шуман! — сказал как-то Тимур. — Такая телка тебя хочет! Я бы на твоём месте...

Я врезал ему без объяснений. Больше никто из парней таких разговоров не заводил, кроме Михалыча, который постоянно бранил меня за неспортивное поведение с девушкой. Интересно, а какое поведение с его точки зрения спортивное?

Это было днем, а по вечерам, когда Ляля припиралась в мою обитель, я оттачивал на ней мастерство троллинга. Я пытался оскорбить ее, довести до слез пошлыми намеками.

— Что за нелепые носки! — сказал я однажды, глядя на ее облепленные Микки Маусом гольфы, которые не сочетались со строгой формой. — Полагаю, и трусы у тебя такие же веселые!

Меня немало не заботило, что она обо мне подумает. Лишь бы отстала. Решила, что это уже через край.

Но вопреки моим чаяниям наглая девица лишь усмехнулась и заметила полупрошепотом:

— Сейчас нет, но, если тебе так хочется, могу завтра надеть их для тебя.

По моей спине пробежал холодок. Я сглотнул и ничего не ответил.

Ляля была янки, и это многое объясняло в ее поведении: и странное произношение, и дурацкое дружелюбие, и устойчивость к интимным намекам. Любая другая клуша на ее месте уже бы взметнулась и убежала жаловаться на меня матери. А эта девица втайне посмеивалась над моими неуклюжими попытками отбиться от нее.

На следующий день Ляля снова пришла в школу в веселых гольфах. Пока историчка наслаждалась скучнейшим монологом умницы Юли про испанских коммунистов и участие наших спецов в их гражданской войне, янки наклонилась к моему уху.

— Я надела их, как обещала. Вот посмотри, — прошептала она страстно.

Краем глаза я успел уловить кусочек цветной ткани, который она демонстрировала, отодвинув пальцем пояс школьной юбки. Это так напугало меня, что я охнул и подпрыгнул на стуле.

— В чем дело, Шумский?! — рявкнула Октябрина Федоровна. — Жаждешь продолжить?!

— Да... То есть нет, — под хихикание одноклассниц промямлил я.

Октябрина свела брови в единую линию.

— А, по-моему, да. Расскажи про Мюнхенский стовор, — мужиковатым голосом велела она.

К счастью, эта тема была мне знакома, и я, заикаясь и торопясь, принялся пересказывать историчке содержание ролика Млечина, который попался мне в ленте. Учебник по истории я принципиально не читал.

Октябрина послушала меня с кислой миной и вlepила «три». Оно и понятно: мой рассказ не был достаточно «красным», а ярая коммунистка Октябрина ставила «четыре»-«пять» только тем, кто мог подыграть ее взглядам.

— Прости, что так получилось с Октябриной Федоровной, — лепетала янки, шагая рядом со мной по коридору.

— Слушай, янки, отвали, — безэмоционально произнес я. — Что бы ты ни делала, какие бы трусы и лифаки ни надевала, тебе меня не получить. Даже не мечтай!

— А я помечтаю!

Вот и что мне делать с этой сумасшедшей! Моя твердость ее не убеждает. Игнор не действует. Грубость только раззадоривает.

Я чувствовал, что через пару месяцев такого настойчивого преследования у меня начнется стокгольмский синдром, и уже я буду переживать, если не увижу Лялю рядом. Но судьбе захотелось ускорить события. И сделала она это руками моей матери.

Глава 3. Проверка на прочность

Никогда еще так не нервничала перед разговором с сыном! Мало того, что я лезу в его личную жизнь, так еще и проявляю себя дико непоследовательной. Две недели назад я с безразличием заявила, что его война с Лялей или, как он ее назвал, янки – это его дело. Как теперь отыграть назад?

Началось с того, что на Лялю посыпались жалобы. Не только Дрюшу, но и моим драгоценным коллегам не понравилось, как она пристает к нему на уроках. Не проходило и дня, чтобы грубоватая Октябрина или возвышенная Вадимовна не явились ко мне по поводу американской девочки.

— Алевтина, я к тебе не как коллега, а как к другу с советом. Что творит эта Бричкович! Как можно Ленина и Махатму Ганди противопоставлять? Вот как?! Это же палата номер шесть! Звони ее родителям и с сыном рассадит! Она его испортит, ты и глазом моргнуть не успеешь!

Другая пела в другой тональности, но смыслы были те же.

— Вы знаете, у меня даже температура поднялась, когда Лена Бричкович рассказала, что у них в Штатах дети сами выбирают, что будут читать и обсуждать на уроках литературы... Нет, ну вы представьте себе: подростки что-то выбирают! Это же страшный сон, мрак, кошмар!.. Девочка она, может, и не глупая, но совершенно распушенная... Как вы, Алевтина Юрьевна, не чувствуете, что она опасна для Андрея и других девчонок!

Я молча слушала этот поток сознания и дивилась скорости, с которой навешиваются ярлыки. Если бы Ляля приехала не из Америки, а из Оренбургской области, сочли бы ее такой опасной? Едва ли.

С каждым днем тучи сгущались. Теперь Лялей были недовольны все учителя, даже англичанка Эльвира.

— Вы же знаете, мы изучаем оксфордский английский, а не этот дворовый американский диалект! — произнесла коллега с благородным, как ей самой казалось, британским акцентом. — Я вполне понимаю, почему ваш сын назвал ее янки.

Мне ничего не оставалось, как позвонить Саманте и деликатно намекнуть, что у Ляли возникли проблемы с адаптацией. Разумеется, она с первой минуты обвинила во всем школу и меня лично.

— Когда я жила в Торонто и у нас были португальские студенты по обмену, все было не так, — с акцентом, напомнившим мне Эльвиру, рассказывала Саманта. — Их встретили, экскурсию по городу провели, а потом еще в баре угостили. Не было и речи, чтобы кто-то из преподавателей их обзывал, чтобы они ходили с синяками и гематомами в полруки как Ляля.

Я оторопела. Неужели Дрюш поднял руку на девушку?!

— Саманта, вы что-то путаете! Я вижу Лялю каждый день и могу точно сказать, что ее никто не бил.

На другом конце провода послышался глубокий вздох.

— Алевтина, а вы ее в халатике домашнем видели? У нее же руки лилового цвета! Мазью мажет, молчит, откуда это.

Сглотнув, я обещала мачехе разобраться, что случилось с Лялей, и сделать все, чтобы девочка прижилась в нашем гадюшнике.

Дрюш как всегда вошел неслышно. Я сидела за столом, растирая пальцами виски. Страшно разболелась голова после разговора с Самантой.

— Андрей, прикрой дверь и сядь.

И вот он был передо мной, а у меня не было сил даже взглянуть на него.

— Сейчас я буду задавать вопросы, а ты – отвечать. Говори честно, как на суде.

— Что тебе опять наплели?! Если что, мы с Владом с сентября не тусовались, поэтому все, что тебе сказали – вранье!

Дрюш пытался играть на опережение. Он помнит, как в прошлом году я заставила его ходить к психологу. Смерть отца, влияние Влада и конфликт с моральным уродом из 11 «Б», который послал меня матом, привели к тому, что мой тишайший сын стал инициатором жестокой драки. Начальство, разумеется, встало на сторону богатого наглеца и его родителей, и обвинило во всем моего Дрюша. Велся разговор о постановке его на учет в КДН. Это означало: никакой старшей школы и поступления в вуз. Только ПТУ.

Я встрепелась, отменяя мысли о тех страшных днях, когда я боролась за будущее сына.

— Объясни мне, Андрей, как связаны эти два факта: ты объявляешь Ляле войну, через неделю на ее руках появляются гематомы, — с невозмутимостью следователя спросила я, глядя сыну в глаза.

Дрюш смотрел на меня с неменьшим хладнокровием. Очевидно, мои слова попали в цель, но он не считал это обвинение серьезным.

— Она сама во всем виновата, — произнес он отстраненно. — Не надо было лезть на рожон.

В этот момент меня затошнило. Неужели мы с мамой вырастили чудовище?

— Что значит «сама»? — произнесла я дрогнувшим голосом, встав из-за учительского стола. — Андрей, ты что поднял на нее руку?!

Дрюш молчал. В этот момент мне хотелось кинуться на него и ударить стопкой тетрадей по голове. Сделать что-то, лишь бы стереть с его лица эту наглую ухмылку.

Усилием воли я смирив свой гнев и села на место.

— Отвечай: ты бил ее?

— Нет.

— Тогда откуда гематомы?

— Почему бы тебе у нее не спросить?

— Я спрашиваю тебя! — прошипела я. — Отвечай сейчас же, или завтра уйдешь из этой школы! Будь спокоен, я позабочусь, чтобы тебя отчислили.

Дрюш побледнел.

— Это от волейбола... Тупая янки навязалась, и я ей показал, что такое настоящая подача, — волнуясь, говорил он. — Говорил же, она сама виновата. Зачем лезла отбивать, если ручки нежные?!

Я выдохнула. Раз это от волейбола, значит, мой сын не будущий маньяк.

— Почему сразу не сказал? Мачеха Ляли уже бог весть чего подумала!

Дрюш уже толком не слушал. Он думал, что наш разговор закончен и можно валить в компьютерный класс резаться в Доту.

— Я свободен? — сказал он, подтверждая мои мысли.

— Нет. Сядь. Команды «отбой» не было, — отчеканила я, подбирая слова для самой сложной части разговора. — Слова Саманты открыли мне глаза на причину проблем Ляли. Она чувствует себя чужой в нашем городе. У нее нет друзей. Поэтому...

Я немного замаялась, перед тем как сказать главное. Андрей смотрел на меня как баран на собаку-пастуха. Вряд ли после моих слов он сохранит это нелепое равнодушие.

— Ты станешь... гидом и покажешь Ляле наш город, расскажешь, как вы с друзьями проводите время в Логвино...

— Стой, ты хочешь, чтобы я с ней... гулял?! — понижая голос до хрипа, произнес Дрюш. Его лицо перекосило то ли от отвращения, то ли от злости.

— А что такого? Она выбрала тебя. Других друзей у нее нет, значит, это будешь ты.

Дрюш вскочил как ужаленный.

— Ты хоть поняла, что сейчас сказала?!

— Ничего сверхъестественного.

— Я ни с кем гулять не буду!! — с отчаянием прокричал Дрюш.

В его глазах плясали страх и отвращение. Я и раньше замечала, что он боится девушек. Кроме Сони, конечно.

— Знаешь, надо с чего-то начинать.

Я грохнул дверью кабинета и полетел, куда глаза глядят. Хорошенькое дело! В начале она обвинила меня в избиении янки, а потом потребовала гулять с ней! Интересно, с чего вдруг такие перемены?! Неужели Саманта купила ее? Не удивлюсь, сейчас все продается и покупается!

Тут я врезался в янки. Вечно она болтается у меня под ногами!

— Одевайся, и го на улицу! — бросил я.

— Куда пойдем? — спросила она, еле поспевая за мной.

Мы дошли до раздевалки. Я выдохнул, чтобы выпустить агрессию, как учила психологиня. В голове зрел коварный план, как поквитаться с янки. Я был даже рад возможности слиться из школы, где мне приходится играть роль пай-мальчика в белой рубашке.

— Я готова! Куда го? — пропел звонкий голосок у меня над ухом.

Недалеко от нас зависли две клуши. Они сразу просекли: тут пахнет замутном. Завтра об этом будет судачить вся школа, но мне плевать. Вряд ли после этой прогулки янки захочет пойти со мной еще раз.

Ляля была в вызывающе коротком синем пальто с блестящими, будто военными, пуговицами и огромном красном шарфе. Клоунский видок! Глаза ее радостно горели, словно я сделал ей предложение.

Я забил на вопрос и пошел к выходу. Янки пришлось бежать за мной как собачонке. Уверен, в этот момент клуши уже угарали над ней.

Мы вышли на улицу. Был солнечный день, золотая осень как в стихах Пушкина. В такую погоду любой нормальный чувак потащил бы такую девчонку в парк или на берег реки. Можно вместе любоваться красотами, а потом типа невзначай обнять или взять за руку.

Я решил пойти против природы. Вместо прекрасного солнечного парка мы отправились смотреть на разбитые бараки, где в диких условиях до сих пор живет часть логвинцев. Мне хотелось, чтобы дорогая янки полюбовалась картинками такого быта и пришла к выводу: ей здесь не рады. Ее улыбка и глупое дружелюбие не имеют смысла. Она всего лишь дочь перебежчика, а по сути крысы, что бежала из России, а сейчас зачем-то вернулась.

— А здесь обитают работники рыбоконсервного завода. Они живут по-советски, — с интонацией дурацкого гида говорил я.

Во дворе висели веревки, женщины в протертых пальто развешивали разноцветные кофты и нижнее белье. Мы с янки стояли немного поодаль, чтобы жители уникальных домов не слышали моих язвительных комментариев. Если бы до их ушей долетела хоть часть из них, эти бабы отделали бы меня так, что от лица живого места не осталось.

Ляля смотрела на обшарпанный дом и его обитателей с интересом. Наверное, в своем элитном районе она не видела, чтобы люди ходили в туалет на улицу или сушили одежду на осеннем ветру.

— Зимой у нас бывает до минус тридцати. Тогда уличные сортиры особенно невыносимы, — бесстрастно комментировал я.

— Р-р-р! Гав! — послышалось у нас за спиной.

Мы с янки обернулись и увидели стаю оскалившихся псов. Они смотрели враждебно и, очевидно, уже делили добычу. Еще минута, и моя дурацкая идея в лучшем случае обернулась бы сорока укусами в живот, а в худшем, сами понимаете...

— Джи оуве! Ха оуве! Хоп-хоп! — бесстрастно выдала янки.

Стая замерла, прислушиваясь к этим странным командам.

— Муш–Муш! — продолжала она.

Собаки молчали. Видно, им нечего ответить.

Я был поражен. Эта янки... Я думал, она умеет только юбку задирасть.

Честно, я точно не помню, чем закончилась эта сцена. Кажется, дородные тетki вынесли собакам кости и отвлекли их от нас с Лялей. Мы молча пошли дальше. Когда мы остановились у старой железнодорожной платформы, янки спросила:

— Ты решил показать мне любимые места из детства?

Я оторопел. Мне бы и в голову не пришло, что мою злую шутку можно так трактовать.

— С чего ты решила?

Ляля усмехнулась. В ее глазах заиграли веселые искорки.

— Ты как мой брат Лео! Он тоже любил бегать в бедные кварталы и играть там. Чем больше отец запрещал ему, тем больше он бегал.

Я напряженно следил за янки. Признаюсь, ее слова и взгляд голубых, широко распахнутых глаз на мгновение очаровали меня. Стоп! Неужели мне стало интересно слушать янки? Этого еще не хватало!

Ляля прервала мои сомнения, вдохнув полной грудью.

— Как хорошо тут пахнет! Мне всегда нравилось, как пахнет в метро и на вокзале!

Зачем ты это рассказала? Мне тоже это нравится. Еще не хватало, чтобы нам нравились одни и те же вещи! Мне страшно хотелось сказать ей об этом, а еще узнать, что же она кричала собакам.

Я собрался с силами, чтобы вернуть себе прежний равнодушный вид.

— Ты совсем меня не понимаешь, если считаешь, что мне может нравиться такая дичь.

— Тогда зачем мы ходили туда? — удивилась янки.

— Чтобы ты узнала город, — уклончиво ответил я и продолжил: — надеюсь, ты довольна. В следующий раз я познакомлю тебя со своими друзьями.

Глупая янки ликовала. Она, видно, думала, что уже прошла проверку на прочность. Однако испытания только начинались. Завтра мы пойдем на развалины медучилища. Там тусуются самые отбитые неформалы. Их-то я и представлю янки в качестве своих друзей. После завтра – завод и промзона. В четверг поедem на кладбище. Чудный сценарий!

Я с восторгом предвкушал, как отважу дорогую янки, и вдруг позвонила мать.

Остаток дня я переживала от того, что в разговоре с Дрюшем опустилась до шантажа.

— Я не хочу и не буду с ней гулять! Тебе меня не заставить! — срываясь на истерику, говорил он.

Я почувствовала, что у меня закончились аргументы. Это злило невероятно! Дрюш понятия не имеет, как непросто выжить в этой школе! Можно подумать, мне доставляет удовольствие угождать богатеньким родителям. Достаточно уже того, что я вечерами готовлю сына директрисы и детей ее подруг к поступлению в МИФИ!

— Ты ошибаешься, — отрезала я, — я твой единственный родитель. Я содержу тебя и денежно, и юридически. Твои так называемые заказы не дают тебе и трети суммы, чтобы прокормить хотя бы себя. Вот и подумай!

Дрюш бегал перед зеленой меловой доской, размахивал руками и обиженно сопел, как когда-то в детском саду. С десяти лет он вел себя иначе: уходил в себя, – и до него невозможно было достучаться. Чем его так задела эта девица? Почему при одной мысли о прогулке с ней он лезет на стенку?

— Я не пойду с ней, потому что не желаю ее видеть! Мне в школе ее хватает! И разговор закончен! — срываясь, сказал он, наконец.

Я поднялась, переложила стопку тетрадь, закрыла электронный журнал.

— Ты пойдешь, или можешь домой не возвращаться, — с этими словами я вышла из кабинета и пошла в учительскую.

Остаток вечера меня съедала тревога. А вдруг Дрюш и, правда, уйдет из дома? Где мне его искать? Что делать? Кроме него, у меня нет любимых людей. Мама умирает. С сестрой, которая сидит с ней, мы на ножах.

— Что тебе надо? — огрызнулся Дрюш в трубку.

Хоть ответил.

— Уже девять вечера. Ты где?

— В Караганде! Забыла, что выгнала меня из дома?!

— Андрей...

— Ладно, иду домой.

Вскоре Дрюш появился. От него разило, словно он провел эти часы в собачьей конуре.

— Где ты был? — ставя чайник на газовую плиту, спросила я.

Молчание.

— Андрей, я, кажется, к тебе обращаюсь, а не к Шебе.

Сын молча ушел в ванную. Наверное, не стоит больше к нему приставать сегодня. Вернулся, и на том спасибо!

Остаток вечера мы провели на кухне. Дрюш крутил ленту в телефоне, а я смотрела «Звездный десант». Мне чем-то нравится этот незамысловатый фильм. И тут произошло нечто странное. Андрей поднял глаза и уставился на Дениз Ричардс, игравшую лейтенанта Кармен, потом выругался и переключил на футбол.

«У Ляли глаза как у этой актрисы», — смекнула я и внутренне удивилась этому открытию.

И тут Дрюш заговорил:

— Я гулял с ней, показывал разные картины нашей жизни.

Я молчала, боясь нарушить хрупкое равновесие. Сын повернул ко мне бледное лицо.

— Надеюсь, твоя душенька довольна?

— В каком смысле?

— Я выполню твое требование и покажу ей все знаковые места. Но у меня тоже есть условие: что бы она потом ни говорила, как бы ни жаловалась, ты меня в это не впутываешь. Я свое дело сделаю, дальше уже твоя работа. Ты класрук, вот и думай.

Я кивнула, понимая, что большего от него все равно не добьюсь. Насильно мил не будешь. Рано или поздно американской девочке придется это понять.

Глава 4. Настоящие друзья

Я нереально протупил. С чего я взял, что после экскурсии в трущобы янки поймет, что я хочу от нее избавиться? Она, наоборот, решила, что у нас есть что-то общее, и это дает ей право еще больше приставать ко мне.

— Представь, что ты супергерой! В чем твоя суперсила?

— В молчании.

— Ты монах?

— Ну не Господь Бог же...

— А я думала, ты Росомаха! Ведь твоя супер-способность – в устойчивости к телепатическим атакам.

— Терпеть не могу Marvel! Сиди молча или уходи!

Еще два часа я бы произнес эти слова с огоньком, вставил Блинского, сейчас я еле ворочал языком. Янки не отходила ни на шаг. Раньше она молча наблюдала за тем, как я пишу код. А теперь постоянно приставала, пытаюсь выяснить, какие герои мне нравятся, в какие игрушки я играл в детстве. Мать сказала, что Ляля ведет себя естественно для влюбленной девушки: хочет больше узнать про объект привязанности. Пф-ф-ф! Так я и поверил! Это не естественность, а сдвиг по фазе.

Мы не пошли на развалины к нефорам, как я планировал, потому что я и так был слишком социален в Первомайке. Мне надо было собраться с силами, чтобы разыграть спектакль, будто я друг этих блохастых чмошников. Что-то в духе «Курьера»², но с обратной целью. Не закадрить, а отвратить.

Янки хватило на пару минут тишины.

— Андрей, а почему ты играешь, а не делаешь свой проект? — с усиленным «ш» произнесла она.

Я усмехнулся: только что заметила! Действительно я уже третий день безбожно рубился в Доту 2. Сайт был сверстан, я ждал комментов заказчика, чтобы внести небольшие правки и получить свои бабки. Других заказов у меня не было, ведь я школьник, а не раскрученный фрилансер с кучей работ.

— Тебе-то что? — раздраженно бросил я, сокращая дистанцию между собой и противниками.

Столб пламени вырвался из-под драконьего шлема и накрыл сразу трех говнюков. Будут знать, как бросать мне вызов, засранцы! Это моя игра, моя стихия! Больше всего мне нравится момент, когда за спиной появляются исполинские крылья, лицо скрывается под драконьей мордой, и каждый удар превращается в залп огнедышащей машины!

— Если не будешь брать кейсы, не сможешь открыть свой бизнес, — прозвенел над моим ухом голосок янки.

Сорвав атаку, я с досадой треснул ладонью по столу. Кайфоломщица! Все лезет и лезет со своими америкоскими идеалами! Какой в жопу бизнес в шестнадцать?! В Штатах двести миллионов жителей, и что у каждого бизнес? Разумеется, нет! Девяносто процентов ходят на никчемную работу в магазине или на складе, а вечером часами сидят на толчке или у телека с бездарными шоу.

— А-а-а! Я поняла! У тебя пока нет заказов!

Сечешь фишку, радость моя.

Янки словно подслушала мои мысли и засмеялась. Пока она крутилась на компьютерном кресле и странно вздыхала, я замутил обманную атаку и смылся из намечавшейся мясорубки.

² Герой фильма курьер Иван пытается произвести впечатление на профессорскую дочь Катю, творя всякие безумства.

У меня было слишком мало союзников, чтобы выйти оттуда живым. Смерть не входила в мои планы.

— А что ты думаешь про заказ на аниме-портал? — спросила Ляля ванильным голоском.

— Что за заказ? — спросил я с нулевым энтузиазмом.

Эта дура принялась восторженно расписывать, в каких сиренево-розовых тонах должен быть фон, какие лупоглазые персонажи должны быть в каждой категории. Признаться, я ни черта не понял.

— Стоп! Начнем тему с начала, — перебил я. — Кто заказчик?

— Я.

Сказать, что я был взбешен, значит, ничего не сказать.

— Ты что, охерела?!

— Ты не злился так... Я же заплачу, — пролепетала янки, удивленная моим взрывом.

— Заплатит она? Еще чего?! — передразнил я, вскакивая из-за стола.

Я бросился вон из компьютерного класса. Проклятая янки!.. Как она могла так оскорбить меня?! А ведь я почти поверил, что нравлюсь ей. И в этот самый момент эта гнида ткнула, что я нищий, а она богачка. Немыслимо! Конечно, ей не надо торчать в школе, чтобы играть в любимую игру! Ей не нужно унижаться перед библиотекаршей, чтобы по вечерам писать код на ее компе. У нее, небось, машина последней модели, стереосистема, а еще сотни долларов на счету.

На следующее утро я пришел с заметным опозданием. Октябрина уже толкала свою пропаганду. Янки сидела за моей партой одна. Я демонстративно сел за другую, у окна. Весь урок она бросала на меня испуганные взгляды. Видно, пыталась своим птичьим умом понять, что сделала мне. Я гордо игнорировал ее, а вот историчка не сдержалась.

— Я смотрю, у нас развод и девичья фамилия! — громобойно объявила она.

Дура Октябрина даже пошутить нормально не может! Девичья фамилия была бы, если янки отсела от меня, а не наоборот. Мне оставалось лишь горько вздохнуть от того, какое жалкое существование приходится влачить в стенах этой школы. Что за люди кругом! Снобы, богатеи да тупицы! Даже эта янки, черт бы ее побрал...

На перемене она, разумеется, подбежала ко мне, стала дергать за рукав и заглядывать в глаза. Мне даже плюнуть захотелось, когда я вспомнил, что ее чертовы глаза как-то показались мне красивыми.

— Андрей, в чем дело? Я чем-то оскорбила тебя? Объясни, чем, и я попрошу прощения, — прошептала она с отчаянием в голосе.

— Ты знаешь ответ, — констатировал я и пошел дальше.

Мне было плевать на ее извинения и просьбы. Перестанет строить из себя идиотку, вспомнит, после какой фразы я ушел. Не так это сложно.

Она все не отставала. В ее глазах была паника.

— Вот что, янки, — начал я, взявшись за ручку спортзала. — В ближайшие пару дней нам лучше не разговаривать. Ты бесишь меня. Не подходи ко мне. Я очень зол!

Ляля опустила глаза. Она была похожа на побитого щенка, но ее виноватый вид не отбил моей решимости игнорировать ее. Пусть валит в свой Пендостан и там деньгами швыряется! Покупает любовь, дружбу как товар. У них там так принято, но у нас это не прокатит.

В эти два дня янки садилась одна за парту у окна и не пыталась заговорить со мной. Одинок бродила по коридорам, бросая на меня печальные взгляды. Я не обращал на нее внимания. Все бы и осталось на этом уровне, если бы вновь не вмешалась мать. Видимо, она отработывала дары, которые ей дала уже не Ляля, а Саманта.

— Дрюш, в чем дело? Зачем ты обидел Лялю? — спросила она, когда я вечером сидел у нее в кабинете.

— Неужели мысль о том, что это она меня обидела, а не я – ее, не приходила тебе в голову?

Мать отбросила тетрадку и взглянула на меня со смесью раздражения и усталости. Она выглядит гораздо моложе своих тридцати девяти. У нее красивые серые глаза и выющиеся каштановые волосы. Одевается, она, конечно, старомодно, зато сразу видно, что у нее хорошая фигура. Возможно, мать думает, что, если бы не взрослый сын, она бы еще раз вышла замуж и нашла свое счастье.

— И чем же она тебя, дитяtko мое ненаглядное, обидела? — с сарказмом произнесла она. Ненавижу ее в такие моменты!

— Это мое личное дело, — отрезал я. — Если ты переживаешь за нашу договоренность, она в силе. Янки выполнила мое условие, и завтра я снова буду с ней разговаривать. Приглашу ее на прогулку, познакомлю с друзьями.

Мать ответила тревожным взглядом.

— Иногда я очень боюсь, Дрюш, что ты вырастешь таким же гипербидчивым как твой отец, и это сломает жизнь и тебе, и тем, кто будет рядом. Подумай над этим, — произнесла она и прежде, чем я успел ответить, вновь уткнулась в свои дурацкие тетрадки.

На следующий день янки робко подошла к моей парте.

— Два дня прошло. Я не подходила. Можно сегодня я сяду с тобой?

— Сидишь, где хочешь. Я не против, — бросил я, не отрываясь от задачи.

Клуши раскудахтались. Наверное, они уже праздновали победу, когда я изгнал Лялю, а тут такое.

Янки сидела рядом едва дыша. Такой смиренной она нравилась мне больше, чем в обычном варианте. Хотелось верить, что она искренне раскаивается в своем снобизме. Но я не дурак. Янки может сколько угодно рядиться в овечью шкуру, но я знаю, что в глубине души она все та же снобка. Подобное лечится подобным. Посмотрим, что она скажет, когда увидит людей, которые, несмотря на все ее богатство, презирают ее.

— Ляля! — позвал я ее перед англом. — Помнишь, я обещал познакомить с друзьями?

Янки подбежала, странно посмотрела на меня и спросила:

— Ты больше не сердишься?

— Нет.

Черта с два! Ты все еще меня бесишь!

Она словно прочитала мои мысли и замялась.

— Я очень хочу пойти с тобой, но боюсь, что ты сердишься.

— Тебе показалось, — без усилий соврал я.

Врать о своих чувствах легко, если не испытываешь особой привязанности к человеку. Соне я бы не смог с таким невозмутимым видом утверждать, что не зол на нее. Она все равно бы меня раскусила.

Тем временем янки достала из сумки какой-то розовый блокнот и что-то в нем записала. Я впервые подметил, что у нее на сумке анимешные герои, как и на ее тетрадках. Довольно забавно, что я обратил на это внимание только сейчас: я сидел с ней за партой уже две недели.

— Вот мой номер! Позвони мне после инглиша! — с этими словами янки всучила мне розовый листок и полетела в свой кабинет: мы в разных группах по англу.

Я скомкал бумажку и с раздражением пихнул в карман. Умеет же эта янки так повернуть историю, что это я должен за ней бегать!

Конечно, звонить я не стал. Подождав немного у раздевалки, я медленно пошел к выходу. В этот момент меня и догнала янки. Мой расчет был точен: она испугалась, что я передумаю, и прибежала сама.

Мы опять шли в сторону железки. Я был неразговорчив, а вот Ляля выпытывала из меня подробности предстоящего randevu.

- Твои друзья, наверное, и парни, и девушки?
- Так.
- Ты давно с ними?
- Не так чтобы...
- Где вы обычно встречаетесь?
- Сейчас увидишь.

Ее звонкий голосок начинал действовать на нервы. Еще бы, ведь я сосредоточенно репетировал встречу с «друзьями». Мне, сугубо интровертному персу с двумя друзьями из детства, Соней и Владом, предстояло почти невозможное. Я должен был сунуться в логово нефоров, в считанные минуты расположить к себе их лидера и сойти за своего, чтобы янки поверила, что я с ними тусуюсь. А потом надо было заставить нефоров продемонстрировать себя во всей красе, чтобы повергнуть янки в ужас. Я видел, что на деле она такая же, как клуши: не любит сомнительных типов, шокирующие выходки.

Когда мы прыгали через ржавые развороченные рельсы (еще одна визитная каточка Логвино), я против воли удивился ловкости Ляли. На ней были черные говнодавы, а не сапожки на шпильке, как у большинства девиц из гимназии, ловивших каждый писк моды.

— Вот мы и на месте, — оттягивая время нашего выхода на сцену, произнес я.

У янки было время как следует изучить локацию. Это были развалины медучилища: уцелели лишь стены и лестничные проемы. Большая часть комнат обрушилась, словно тут было землетрясение как в Японии. Крыши у здания тоже не было.

Посреди двора была натянута мятая простыня, вокруг которой возились чудики в бесформенных черных балахонах. На фоне звучал даунский заунывный рэп. Терпеть не могу треки, в которых ноль динамики!

Вот они, мои «друзья». Дрейнеры³ Логвино. Их предводителя зовут Легас. Стремный тип с опущенными до плеч черными патлами. Воображает себя музыкантом, хотя треки его тошнотворны: на них голос солиста звучит как из туалета.

Влад однажды пригласил Легаса с его страшной телкой, Витой, кажется, на свою тусу. Этот болван полчаса парил всем мозг про свой глубокомысленный трек. Влад внимал с серьезной рожей, а потом предложил врубить его. Какое ж это было говно! Мы переглядывались, не понимая, зачем Сандрыч льстит этому депрессивному чмошнику, утверждая, что звук интересный, ведь это откровенная ложь!

Легас заметил наше вторжение и степенно выполз на встречу. Сегодня на нем были огромная серебристая куртка, узкие темные очки и блестящий брелок на поясе. Очки он не снимал, хотя солнце уже почти село. Рядом возилась девица в выцветшей толстовке, которая раскладывала на плитке бусины и маленькие пластиковые звезды, видимо, реквизит.

— Шуман? Ты же говорил, что больше сюда не придешь.

Отличное начало... Я покосился на янки. Еще один такой факт, и весь мой план полетит в тартарары.

— Передумал. Знакомься, это Ляля.

— Легас, — представился он. — А это Вита, Сева и человек, который опять удалил нужный файл.

— Я его переименовал! — отозвался парень у колонки.

В каком месте надо было посмеяться, я так и не понял. А янки уже лезла на рожон, пытаясь познакомиться поближе с этими додиками.

— Это фон для клипа? — спросила она, с недоумением глядя на простыню.

— Для тизера, — ответила Вита. — Только он мнется.

³ Дрейнеры – это молодёжное течение, выросшее из эстетики и музыки объединения Drain Gang: её представителей объединяют меланхоличное настроение и ощущение «опустошения» (от англ. drain).

— Если закрепить снизу, не будет.

Вита тут же вручила ей свободный край. Замечательно! Я привел ее полюбоваться моим сомнительным кругом общения, а она устроилась в нем быстрее меня.

— Включайте что-нибудь, — сказал я. — Ляля же в первый раз у вас.

Сева подключил телефон к колонке. Над двором поплыл высокий синтезаторный звук, потом вступил мягкий, неровный бит. Легас спел несколько слов почти шепотом. Вита одобритительно кивнула. На припеве они вдвоем повторили короткую фразу; второй голос запаздывал на долю секунды.

Я ждал, что Ляля засмеется. Или хотя бы спросит, почему они называют это пением. А она слушала серьезно.

— Бит ваш? — спросила янки, когда трек закончился.

— Севин.

— Пространство классное. А голос, по-моему, слишком спрятали.

Легас медленно снял очки.

— Спрятали?

— Я хочу услышать, что ты поешь. В припеве уже получается, — с невинным видом сообщила Ляля.

Я усмехнулся. Ляля даже не подозревала, как сильно долбанула этих убогих. Еще немного, и Легас расплачется, а я смогу утверждать, что из-за янки потерял друзей и не желаю ее больше видеть.

— Ляля у нас эксперт, — сообщил я. — Она из Америки. Кому как не ей отчитывать вас за нелепые треки и темы, которым сто лет в обед.

Теперь все смотрели на Лялю и ждали, что скажет она.

— И что? — спросила Вита.

— Ничего. Просто там эта тема давно прошла свой круг, — нехотя продолжал я: Ляля молчала. — Может, расскажет, какой сезон вы сейчас косплеите.

Я рассчитывал на смех, но получилось даже лучше: Легас выпрямился.

— Мы никого не косплеим.

— Я этого не говорила, — спокойно ответила Ляля.

— Андрей сказал за тебя.

Вита отпустила край простыни. Та сразу пошла складками.

— Я, кстати, слушала Ессо2k, — сказала Ляля. — И Bladee тоже. Но мне больше интересно, что ВЫ делаете. Зачем вам повторять чей-то старый звук?

Сева коротко усмехнулся. Легас надел очки обратно.

— У нас свой звук.

— Тогда дай ей дослушать версию без твоего фильтра, — предложил Сева.

Вот тут Легас посмотрел на меня. Кажется, он наконец понял, зачем я привел Лялю. Приятного в этом взгляде было мало.

— Шуман, ты мог просто сказать, что тебе не нравится трек, — произнес он.

— Мне-то нравится, — соврал я. — Это янки у нас музыкальный критик.

Ляля повернулась ко мне.

— Ты сам попросил их включить музыку.

— А ты сама решила всех учить.

Подружка Легаса забрала у янки простыню.

— Она нормально сказала, — заметила она. — Мы для того и показываем черновик, чтобы услышать мнение.

Некоторое время я смотрел, как Сева ищет другую версию файла. Потом понял, что я здесь лишний. В моем спектакле никто не захотел играть назначенную роль. Даже Легас.

— Нам пора, — сказал я.

Ляля могла бы остаться. Это было видно по тому, как она глянула на Севин телефон. Но она отдала Вите прищепку и пошла за мной.

За рельсами она догнала меня.

— Они, правда, твои друзья?

— А что не так? Куртка недостаточно дорогая?

— Андрей, я не про куртку. Ты привел меня туда, чтобы я над ними посмеялась?

Я сунул руки в карманы. Планировался совсем другой разговор. Она должна была спрашивать, зачем я общаюсь с такими людьми, а я – загадочно пожимать плечами и выглядеть безнадежным типом.

— Не льсти себе. Я не подбираю компанию под твои вкусы.

— Значит, чтобы они посмеялись надо мной?

На это у меня тоже не нашлось ответа. Я ускорил шаг, надеясь, что она отстанет. Янки шла рядом.

Глава 5. Есть чем гордиться

— Сандрыч, эта янки полная жесь! Сколько можно дрюкаться, чтобы эта бестолочь, наконец, отвалила! И говорил ей, и игнорил, и пиндосы всякие устраивал. А с ней это все равно, что рыбу ловить в унитазе!.. Врубаеть?

Страшно хотелось, чтобы Влад, в отличие от матери и чуваков с волейбола, встал на мою сторону. Почему все они сначала сочувствуют, а потом, увидев янки, выставляют так, что для меня внимание этой мартышки превеликое благо?! Думают, что мне неплохо бы приобрести опыт, статус и все такое. Парень с девушкой, да еще и из Пендостана, – это же круть! А если мне, лично мне, это не нужно?! Если я НЕ хочу?!

Сандрыч молча курил, глядя в темноту. До этого он помирал от смеха, слушая мой рассказ о приключениях янки в России. А сейчас, когда вник во всю историю, даже он подзавис.

Мы сидели на полянке у леска. Раньше, до разводов и прочего треша, здесь тусовались наши родаки: дом был недалеко, его отделяли от леска лишь две полоски рельсов. Кто бы ни поганил полянку своим присутствием, она все равно была наша. Помню, как мы играли в мушкетеров и пиратов: лесок служил базой, а основные бои разворачивались на открытой местности. Соня была единственной девчонкой, которую мы принимали в свои игры, а Влад – вечным капитаном.

— Поясни-ка, бро, твоя цель – просто избавиться от нее или показать ей, что так нельзя, поставить на место, словом? — произнес Влад, отбросив окурок.

Я немного поморщился: сухая трава и окурок – идеальная пара для лесного пожара. Когда я затоптал его, друг рассмеялся.

— Знаешь, в чем твоя беда с этой малышкой? — спросил он с улыбкой.

Я замер в ожидании его вердикта.

— Она поймала тебя на вранье.

— Что?! — Меня передернуло от такого предположения.

Влад ткнул на окурок.

— Я забил, а ты – нет. Когда ты играешь перед этой девчонкой мега-неприятного типа с асоциальными друзьями, она тебе не верит, — заключил Сандрыч. — Сам же говорил: янки сидит вокруг тебя круглый день. Вот и она и догнала, что в притоне Легаса ты такой же пассажир, как и она.

Я пнул сучок и, глядя себе под ноги, пробормотал:

— И что из этого?

— А то, — начал Влад, — что ей нравишься настоящий ты, а не жалкая картинка, которую ты ей впариваешь.

Я готов был взвыть от безысходности.

— А что делать, если она мне не нравится?!

Влад встал с лежащего дерева, на котором до этого сидел в позе Раптора-философа, и подошел ко мне. Он выглядел каким-то усталым и потрепанным. С детства я мечтал быть таким же крутым как Влад, глава нашего братства. А теперь мне вдруг показалось, что друг тоже играет.

— Подумай, как ты реально к ней относишься. Ты говоришь: «бесит». А что значит «бесит»? Видишь, что она не такая, как все? Переживаешь, что ее не примут, если ты будешь с ней? Или от того, что она ухватила за реального тебя?

— Но я люблю Соню! — отчаянно прокричал я в ночь.

— Жосе! — присвистнул Влад. — Катрин протащится! Она всегда топила за ваш замут.

Катрин – девушка Сандрыча и подружка Сони. Влад как-то говорил, что эти двое напоминают ему Маленькую разбойницу и Герду. Причем, в роли разбойницы он видел свою девушку.

Слова Влада заставили меня крепко задуматься. Я перебрал аргументы «за» или «против» отношений с Лялей и со страхом понял, что во всем, кроме одного, поставил бы «за». Ляля была реально красивой. Бэкгранд с Пендостаном интересный: она могла многое рассказать о жизни за океаном. Ляля не обижалась на каждое слово как большинство клуш. Она была умна: от матери я узнал, что ее уровень IQ 125. Да я и сам не мог не видеть, что она читает Гюго в оригинале и как орешки щелкает олимпиадные задачки, которые я осиливаю не без труда. А еще Ляля крута в волике. Она вызывает восхищение парней. Тимур уже откровенно пускает на нее слюни.

Был лишь один аргумент не в пользу Ляли: мы не знакомы с ней с детства. Она для меня темная лошадка, в отличие от Сони, с которой мы лежали в соседних колясках. Если честно, вся эта история с пламенной симпатией янки виделась мне мистификацией. Казалось, она специально пытается убедить меня в своих чувствах, чтобы потом поржать над русским дурачком с Самантой и своими амерскими подружками по видеосвязи.

— Сандрыч, вы с Катрин поможете мне отшить ее? — выдал я после долгой паузы.

— Уверен? — Влад недоверчиво поднял бровь.

— На все сто, — отчеканил я, не чувствуя и десятой доли уверенности.

— Ништяк! Тогда давайте затусим завтра. Шоу будет первоклассное: Катрин обеспечит!

На следующий день Ляля выглядела возбужденной. Она пристала ко мне с самого утра, требуя, чтобы мы еще раз пошли к дрейнерам.

— Ты что, больная что ли? Они нас не инвайтили! Думаешь, с ними просто? У них что ни день – творческий кризис, — простонал я.

Никогда бы не подумал, что моя собственная выходка так обернется. Казалось, после вчерашнего янки забудет путь туда. Алес, конечно!

— Ты не понимаешь, мне нужно сказать Вите, Легасу, что я, ну... не обвиняла я их в плагиате! Просто посоветовать хотела, — верещала Ляля. — Чтобы ты знал, меня на две недели исключили за одиночный пикет! А все из-за музыки: К-пор!

Я посмотрел на янки со скепсисом. Она может придумывать про свою прошлую жизнь все, что хочет. Все равно никто не проверит.

Ляля словно прочитала мои мысли. В ее голубых глазах заплясали азартные огоньки: так она хотела доказать мне и свою правоту неведомо в чем. Она порылась в своем айфоне и торжествующе показала мне фотку, на которой девица с длинной челкой, похожая на Соню, стояла среди толпы странно одетых чмошников с картонной табличкой “Love K-pop? Reserve a ticket— skip the rally!”⁴

Я усмехнулся. В каком-то смысле янки делала мою жизнь интереснее. Все время хотелось ее поддеть. Вот и сейчас я не спешил принимать на веру ее фотку.

— Откуда мне знать, что это ты, а не кто-то еще, — усмехнулся я, повергнув бедную правозащитницу в уныние.

Выступала против Трампа, значит... Своей наглостью и упорством янки не уступала известной в наших краях Анжеле Дэвис⁵. Соня фанатела от сильных женщин и пересказывала мне их истории, даже если я этого не просил. А я, как вы заметили, обладаю неплохой памятью на факты и прекрасно воспроизвожу их в подходящих ситуациях.

Наш спор был прерван звонком, пришлось идти в класс.

После уроков я окликнул янки и предложил вместо очередного сеанса нудни Легаса и ко встретиться с Владом и его девушкой.

— Легас не раз понимал его вчера. Думаю, тебе тоже стоит узнать Влада, — заметил я.

⁴ Любишь К-пор? Бери билет, но не ходи на митинг! (англ.) В 2020 г. американские подростки из числа фанатов К-пор, популярного корейского музыкального жанра, в соцсетях и школах агитировали за срыв митинга Д. Трампа в штате Оклахома.

⁵ Анжела Ивонна Дэвис – американская правозащитница, в 1970-х годах стала символом движения за права заключённых.

Ляля не стала упорствовать и согласилась. Да и куда ей было деваться?

— А кто для тебя Влад? — спросила она, пытаясь поспеть за мной.

— Друг детства, а еще лидер. Он держит местных отмороzkов в узде, — отвечал я.

Если для нее авторитетно мнение такого слизняка как Легас, Влада она и подавно убояется.

— Отмороzkов? — не поняла Ляля.

— Так мы называем всяких мутных типов: нациков, некромантов или... Как их там?.. вайперов.

Мы подошли к дому в частном секторе, где условились встретиться с Владом. Это был симпатичный зеленый домик с мезонином, облупившийся и заросший в лопухах и крапиве. Когда-то нам нравилось сидеть здесь на веранде и пить чай с конфетами, а потом бегать в поле с воздушным змеем. Сейчас этот дом никому не нужен: мать Влада давно отгрохала шикарный особняк с бассейном.

Но вернемся к истории с янки. Не буду подробно описывать тот Хэллоуин, что устроили мои друзья. Мне не нравится об этом вспоминать. Мы сидели при свечах в куртках (в пригороде не было электричества) и пили сомнительную бурду. Я так и не понял, что это – перебродивший компот или неудавшаяся настойка.

— Тебе нравится Андрей, да? Хочешь его?

— Катрин, брось...

— Ой, да что ты стесняешься! Кто сказал, что быть приличным – весело?!

— Может не будем об этом? Андрей не хочет...

— Дичь! Влад, зацени: как напряглись! По ходу я угадала!

Ляля пыталась вывести разговор хоть в какое-то русло, но Влад с Катрин не давали ей этого сделать. Были лишь отрывки фраз, дикий хохот, словом, унылое говно. Все, за что я не люблю тусы и вечерухи.

Катрин была в ударе. Она натуральная блондинка и из-за почти прозрачных бровей и ресниц и так злоупотребляет макияжем. Но в этот раз у Катрин был даже не макияж, а какой-то устрашающий грим. Она напомнила мне Хелену Бонем Картер в роли Беатрисы Лестрейндж. Казалось, еще немного и она завопит испуганной янки: «Я не ем детей! Я не ем детей!»

Апогей всего этого ужаса настал, когда Ляля сказала:

— На самом деле, я выступаю против войн и ястребов! Они лоббируют интересы военных концернов...

И тут понеслось: Катрин отвернулась и что есть силы блеванула в какое-то корыто. Мы с Владом выругались и вскочили. Ляля бросилась к Катрин, чтобы помочь. Воспользовавшись этим, мы с Владом выбежали на свежий воздух.

— Небеса, что она творит! — простонал Влад.

Казалось, его самого сейчас вывернет.

— Что ты имеешь в виду?

— А то, что борясь за Сонечку, она сама вызвала рвоту!

Я очумел, хотел что-то сказать, но тут на крыльцо вышла янки. Видок у нее был неважный.

— Мне кажется, у нее отравление. Есть что-то в аптечке? — с сильным акцентом спросила Ляля, жадно вдыхая воздух, как это делали мы пару минут назад.

Влад поворчал и поперся в дом искать. Конечно, ничего, кроме просроченного активированного угля, они не нашли. Тогда янки достала из рюкзачка какой-то импортный препарат и стала впаривать его Владу.

— В прошлом году на мой бёздей Джессика напилась, и ей стало плохо. Лонерамид помог.

— С какой стати я должен верить тебе?! Тут знаки какие-то гребучие! Кто вообще производит эту химию?!

— Мой отец.

От ее ответа мы с Владом чуть не сели. Вот уж не подумал бы, что ее отец производитель лекарств! Интересно, что он забыл в Логвино?

— Если не берешь препарат, лучше вызвать скорую, — спокойно сказала янки и скрылась в доме.

Скорую вызывать никто не собирался, особенно Влад, знавший, где тут собака зарыта. В целом выглядело довольно странно, что одной Ляле небезразлично состояние Катрин.

Мы по-прежнему стояли на крыльце. Влад достал сигарету, затянулся и вдруг уставился на меня, словно в первый раз увидел.

— Пока еще не все сломано, задумайся, бро. Она ничего, эта янки, — с этими словами он скрылся в доме.

Я остался во дворе один. Накрапывал дождь, становилось холодно. Или это меня знобило от всей этой ситуации. Мои друзья как лепрозорий на выезде, а янки опять на коне.

На следующее утро я проснулся со жгучим желанием избавиться от янки. Влад спрашивал, чем же она так бесит меня. Теперь я знал ответ. Сама того не понимая, янки рушила мой привычный мир. Я не находил в себе прежней любви к Соне, не мог больше презирать дрейнеров и надсмехаться над жителями бараков как раньше. Самое страшное, что я не находил в себе прежнего восхищения Владом. Вчера, когда Катрин переиграла с рвотой, он стоял рядом со мной как жалкий дурак. Беспомощно наблюдал, как Ляля откачивает его дурацкую подружку и убирает ее блевоту?

Пытаясь что-то с этим сделать, я скрылся от янки и набрал Соне.

— Чего тебе? — раздался в трубке недовольный Сонин голос.

— Могла бы сказать «привет», — пробубнил я.

— Тебе могу сказать только «до свидания»! — неожиданно ядовито произнесла Софья.

Сказать, что я офигел от такого поворота событий, значит, ничего не сказать. В последний раз мы виделись на мой дэ эр, и это был замечательный день. Мы ели дешевую пиццу из пекарни и гуляли у реки. Соня подарила мне Dying Light 2: Stay Human⁶, в которую я могу играть только у Влада.

— Соня, постой! Ты вообще за что меня посылаешь?!

От обиды у меня спутались мысли. Неужели Соне что-то нашептали или донесли? Наверняка, все эта Катрин, будь она неладна!

— С такого, что я все знаю.

Что и требовалось доказать. И все-таки я решил поупорствовать.

— И что же именно, позволь уточнить, ты знаешь?

— Все... — со слезами в голосе сказала Соня.

Она молчала. Молчал и я и не вешал трубку.

— Терпеть ее не могу! И тебя, кстати, тоже...

Первую фразу она произнесла с ненавистью, вторую, скорее, прорыдала и бросила трубку. Я стоял как истукан, по-прежнему держа телефон у уха, словно прерванный разговор можно было продолжить и все исправить.

Позже парни донесли, что видели черноглазую, т. е. Соню, у школы. Никакой Катрин и подруг-сплетниц. Все просто: она увидела меня с янки. Словами не передать, как мне было паршиво...

Моя бдительная соседка, разумеется, заметила эти перемены.

⁶ Игра в жанре зомби-апокалипсиса, в которой герой сталкивается с противостоянием фракций Миротворцев и Выживших, а также с угрозой со стороны учёного Вальца, причастного к экспериментам над детьми.

— Что-то с твоими друзьями? — спросила она, видимо, намекая на Влада и Катрин.

— Да, — еле слышно произнес я.

Янки ждала, что я продолжу, а я молчал. В этот момент у нее были удивительно глубокие глаза, почти синие. Это было опасное наблюдение, и я готов был вмазать себе за него. Вместо этого я таял как свечка. Этому пора положить конец!

— Дело в том, что я кое-кого люблю, — произнес я холодно, не отрывая взгляда от задачи: это была перемена перед уроком матери. — И она видела меня с тобой.

Ляля смотрела на меня своим магнетическим взглядом, пока я не подчинился и тоже не посмотрел на нее.

— Ее зовут Соня. Верно?

Я обомлел. Я был уверен, что ни я, ни Влад с Катрин не произносили при янки это имя.

— Откуда...

— Я слышала твой разговор с мамой в первый день.

— Тогда почему?

Янки мило улыбнулась и пожала плечами.

— Просто ты мне очень понравился. — Словами и взглядом она продолжала гипнотизировать меня. — Я наблюдала за тобой, но не видела рядом с тобой эту девушку. Вот я и решила, что у меня есть шанс!

Я не мог дожидаться конца уроков, чтобы вырваться на улицу. Мне было душно и страшно. Хотелось уйти от той, что преследовала меня и, судя по реакции моего организма, была близка к цели. Я реально не понимал, что со мной происходит. Факт, что мне нравится Соня, казался аксиомой. В него безусловно верили и моя мать, и Сонины родаки (им это не нравилось), и Влад с Катрин. Тогда почему в тот момент, когда я должен тосковать по своей заветной любви, я думаю о том, как выглядит янки без формы?

Глава 6. Дела семейные

— Да, да... Поняла, Юленька!.. Успокойся, не переживай! Я поговорю с Андреем и все ему выскажу... Да, даже не думай!.. Да что ты!

Разговоры с младшей сестрой всегда были для меня пыткой. А теперь Дрюш дал ей такой прекрасный повод меня шантажировать! Не сможем мы ухаживать за мамой вместо нее: я до девяти репетиторствую, а у Дрюша нет таланта медбрата. Да и мозги, судя по дури, у него на место еще не встали!

Я набрала сыну.

— Андрей, зайди ко мне! Поговорить надо.

— Но я ушел...

— Мне плевать, где ты там шляешься! Чтобы через полчаса был в моем кабинете!

Дрюш промычал что-то между «нет» и «да». На его языке это означало согласие. Минут через двадцать он загремел дверью кабинета.

— Закрой на ключ, — приказала я, не отрывая взгляда от тетради Егора, пустоголового сына директрисы. Он должен был прийти в семь.

Опять приходится включать режим следователя и допрашивать сына. И почему эти дети не растут сами по себе?!

— Какого черта вы с Лялей делали у нас дома? — я старалась говорить хладнокровно, хотя внутри все кипело от бешенства.

Дрюш смотрел до боли знакомым бараньим взглядом, словно я изъясняюсь на малагасийском.

— Что вы там делали? Зачем потревожили больного человека?!

И тишина... Этот ребенок до преступления меня доведет своим молчанием!

— Ты что оглох?! Отвечай! — закричала я, теряя контроль.

Дрюш с трудом вышел из астрала. Он впадал в него всякий раз, когда на него начинали давить.

— Сама хотела, чтобы я был с ней. Все равно она рано или поздно поймет, кто мы такие и как живем. Вот я и решил показать ей...

Я почувствовала сильный спазм. Теперь надо дышать: четыре, семь, четыре! Может, обойдусь без ингалятора? Мне еще приступа не хватало в преддверии занятия с Егорчиком! Этот жирный увалень будет тупить как паровоз, а я – вытягивать его на каждой задаче.

Пока я дышала, Дрюш молчал. Хорошо, что он обучен, что делать, если мне станет плохо.

— Ты хоть понимаешь, что не имеешь право принимать такие решения без меня? — сдавленным голосом произнесла я.

Кажется, все силы ушли на эту реплику. Дрюш дал мне стакан воды и сел рядом. Теперь мы были не учитель с учеником, а горемычная мать с сыном.

— Ты считаешь, это было ошибкой? — спокойно спросил сын.

Он частенько играл на моем плохом самочувствии и, в сущности, не знал, что такое родительский гнев. Стоило мне выйти из себя, как угроза приступа сразу заставляла снизить обороты.

— В следующий раз сам будешь говорить с тетей Юлей и убеждать ее не бросать нас и маму.

В этой жалкой фразе вся я! У меня нет сил читать Дрюшу мораль, объяснять ему нюансы ситуации, хотя это не помешало бы. Свою все к жалобе на сестру, которая из-за его выходок чуть не отказалась играть роль сиделки.

— Тетя Юля разозлилась, потому что мы застали ее в неглиже, — усмехнулся Дрюш.

Не было бы мне так плохо, я бы треснула его линейкой по башке!

— Очень смешно! По мне так ничего, даже если бы вы застали ее голой.

— Ну извини...

— Ты перед Юлей должен извиняться! Мог бы и набрать ей, перед тем как вваливать, да еще и с девушкой.

Дрюш вздохнул и поправил руками светлую шевелюру. Мне показалось, он был чем-то расстроен, но желал скрыть это от меня. Наверное, это из-за американской девочки. Так или иначе замкнутый мир Дрюша в последние дни вертелся вокруг нее.

— Признаю свою вину, — выдавил он, словно ему дали последнее слово на суде. — Больше не буду тупить и извинюсь перед тетей Юлей.

Я решила, что не буду прощупывать, спрошу о Ляле прямо. К сожалению, я не только мать Андрея, но и классный руководитель этих двоих.

Не раз в моей практике были проблемы из-за несчастной детской любви. Вспомнить хотя бы Владика Лисяка! В седьмом классе он по уши втрескался в девятнадцатилетнюю дочь одного чиновника, с которым его мать была на короткой ноге. Это был кошмар, который, разумеется, разруливала не Марина, а я!

— Андрей, у вас с Лялей все серьезно? — Я старалась говорить твердо, чтобы Дрюш не свел все в шутку. — Ты никого, кроме Сони, к нам не водил.

Сын завертелся как уж на сковородке, выругался под нос и, глядя в стену за моей спиной, злобно отчеканил:

— Ничего ты не понимаешь!

— А хотелось бы понимать, — сказала я. — Работа такая!

Мне нравилось наблюдать за Дрюшем, у которого были все симптомы влюбленности и отчаянное стремление скрыть это от меня. Он тяжело и шумно дышал, не мог ни минуты усидеть на месте. Его бледное лицо моментально становилось пунцовым, стоило мне упомянуть Лялю. Из-за Сони он так не волновался.

— Эта америкоска бесит меня, понимаешь?! Я близок к тому, чтобы убить ее! — с отчаянием выдал Дрюш после продолжительной паузы, наполненной сопением и метаниями.

Я сняла очки и посмотрела на сына с сомнением, что еще больше вывело его из себя.

— Ты что, смеешься надо мной?!

— Нет, просто я не вижу причин для убийства Ляли, — спокойно заметила я. — Для таких дел, Дрюша, существует язык. Объясни ей, растолкуй, в чем ты с ней не согласен. Она умная девочка, все поймет.

Андрей хотел возразить, но сдержался. Порой разум возвращался в его шестнадцатилетнюю голову.

— Мне пора. У меня новый проект, — сказал он, оглядываясь на часы, висевшие над доской. — Надо звякнуть заказчику, уточнить детали.

Я кивнула. Таким сознательным Дрюш нравился мне больше. Как мать я понимала, что рано или поздно он начнет водить девушек. В этом нет ничего криминального. Но в наших обстоятельствах важно просчитывать каждый шаг и каждое слово.

Вам тоже интересно, на черта я попер янки смотреть на бабулю с теткой Юлькой? Когда кто-то тяжело болеет и лежит дома, у нас не принято выносить сор из избы. Однако в тот момент это показалось мне хорошей идеей. Подумал, пусть янки посмотрит, как я живу, и расскажет, нравлюсь я ей после этого или нет.

— Перед тобой типичная брежневская девятиэтажка. — Я вновь пародировал гида. — Вроде как заметный шаг вперед по сравнению с бараками и хрущевками. Но тепло- и звукоизоляция не айс. Сейчас сама все увидишь.

Янки не подозревала, что ожидает ее внутри. Она настроилась на экскурсию, а получила злую собаку, которая чуть не загрызла ее в лифте.

— Что в угол забила, девчуха?! Не бойся, он просто играет! — недоумевал алкаш Наумыч, никогда не одевавший намордник на своего цербера.

Ляля не испугалась собак у бараков, но явно шуганулась избалованного боксера. Ее можно понять: эта тварь способна загрызть любого ради удовольствия.

На лестничной клетке мы встретили Клавдию Матвеевну.

— Совсем из ума выжил, паскудник?! — вместо приветствия заголосила соседка, впившись глазами в Лялю. — Бабка его сегодня-завтра Богу душу отдаст, а он к себе шалав таскает! Совсем охренели уже! Скоро ли Конец Света?..

Последнее предложение прозвучало не как вопрос, а скорее, как пророчество. Я бы номинировал бабу Клаву на Оскар за роль второго плана.

У Ляли задрожали губы. Очевидно, она поняла часть реплик Клавдии, и славная женщина сильно ее напугала. Но тут уж ничего не попишешь: раз янки взялась за мной ходить, придется ей заценить и такие стороны моей жизни.

Наконец, мы вошли в квартиру и провалились во тьму заваленного всяким хламом коридора. Под ногами пискнула Шеба. Видно, я наступил ей на хвост. Потом я чуть не разбил светильник, стоящий на тумбе под зеркалом. Все, потому что хула Клавдии на мне сказывалась.

Тусклый свет осветил коридор, и я обратил внимание на спутницу. На ее лице читался шок.

— Ты здесь живешь, да? — спросила янки, со страхом озираясь по сторонам.

— Ну не под мостом же! — ядовито заметил я, отшвыривая ботинки.

Оно и понятно. Выцветшие обои в цветочек в сочетании с истоптанной красной дорожкой в Штатах днем с огнем не сыщешь. На нормальный ремонт у нас с мамой денег нет.

— Разувайся, проходи или тут подожди. Я быстро.

Ляля выбрала первое. Она робко сняла ботинки, рюкзак с покемонами и поставила их у входа. Про себя я отметил, что у бараков, в развалинах дрейнеров и на заброшенной даче янки держалась увереннее. Скорее всего, тест не пройден, раз вид моего жилища вызывает у нее такой ступор.

— В чем дело? Андрей? Это ты? — с этими словами в коридор выбежала тетка Юлька и на всем скаку врезалась в янки.

Та испуганно попятилась к двери со своим никому не нужным «Здравствуйте».

Я и до этого подозревал, что тетя спит вместо того, чтобы за бабушкой смотреть. По ее лицу и халату, съехавшему с плеч, это было очевидно. Маме необязательно об этом знать, но если спросит, скажу.

— Ты чего так рано? И кто эта девочка? — тараторила тетя, кутаясь в халат.

— Одноклассница, — бросил я. — Мы на пару минут и пойдем. Не ссы, тетя Юль.

— Я и не ссу! — с ноткой истерики произнесла тетя и заторопилась на кухню, подальше от непрошенных гостей.

Между тем я обратил внимание на обалдевшую янки.

— С тетей Юлей ты уже познакомилась, а бабуля, наверное, спит. Можем зайти, только тихо.

Ляля кивнула и с видом сапера, который может на mine, пошла за мной. В коридоре стояла гладильная доска, валялись книги в коробках и еще много всякой ерунды: у нас с мамой не было времени и сил разбираться с этим.

Я рылся в шкафу в поисках любимой толстовки. Ляля стояла на пороге и осматривалась с видом попаданки, гадающей, на какой планете она сегодня оказалась.

— Это твоя комната?

— Наша.

Ей, дочери американского фармаколога, наверное, трудно представить, что в комнате площадью пятнадцать квадратов живу не только я, но и мама с бабушкой. Днем тут еще тетя Юля обретается.

— Ты здесь спишь? — спросила янки, тыча на мамин диван.

— Нет, здесь – мама, а это бабушка.

— Она болеет? — прошептала Ляля, глядя на лежащее на продавленной кровати неподвижное тело.

Мне тяжело было смотреть на бабушку в последние два месяца, поэтому я и ходил мимо нее. Ей от моего внимания ни горячо, ни холодно, а мать с теткой сделают для нее все необходимое.

Но сегодня я заставил себя взглянуть на бабушку. Посмотрел и ужаснулся. Когда-то баба Роза была цветущей еврейской женщиной и, входя в любую комнату, наполняла ее своей кипучей энергией. Она обожала садоводство и театр, заставила полюбить это нас с мамой и даже отца, когда он жил тут. Сейчас от волевого человека осталась лишь исхудавшая восковая копия с пепельными волосами, таявшая с каждым днем.

— Рак на последней стадии, — ответил я после долгого молчания и прибавил: — может, у тебя есть средство?

Янки посмотрела на меня испуганно и ничего не ответила. В этот момент мне даже стало немного жаль ее: зрелище было тяжелым даже для меня самого.

— Может, что-то от боли? Мы даем ей мощный анальгетик, и она все время спит. Иначе ее жизнь была бы адом, — пояснил я. — Но мне это кажется неправильным. Может, есть другое средство?

Губы янки дрожали, словно она пыталась что-то сказать, но не смогла озвучить.

— Я спрошу у папы, — пролепетала она, наконец.

После этого мы откланялись тете Юле и ушли. Ляля молчала. И я не спешил с разговорами. Накануне Влад интересовался, не замутил ли я с янки. Не помню, что я тогда ответил. Сейчас я твердо знал, что все зависит от того, как она себя поведет после посещения моего логова.

Темнело, но во дворе еще не зажглись фонари. Лицо янки в полутьме казалось синим, словно она была симпатичной инопланетянкой. Я выбросил из головы это дурацкое сравнение и молча ждал ее реакции. Но проклятая американка молчала!

— Что молчишь, Ляля? Видимо, после сегодняшнего я больше тебе не нравлюсь? — едко спросил я, утомившись от игры в молчанку.

Сейчас или никогда я выведу эту снобку на чистую воду! Пусть только попробует соврать: отвращение и ужас были написаны у нее на лице, когда она стояла у двери в мою комнату.

— Нет, Андрей! Теперь ты мне нравишься еще больше! — прошептала Ляля, глядя на меня все с тем же ужасом.

Выглядело так, словно вместо меня она общается с привидением. И как это понимать? Ноль идей. Между тем янки продолжила.

— Ты вырвешься из этого замкнутого круга: уедешь отсюда, заработаешь много денег! Все будет хорошо! — решительно бросила она, глядя мне в глаза. — Если захочешь, я буду рядом.

Я остолебенел. Во время важных разговоров мне из-за того, что я тормоз, требуется чуть больше времени для понимания собеседника. Поначалу я воспринял Лялину тему почти с симпатией. Она говорила, что я вырвусь и она будет рядом. На мгновение я почувствовал тепло в груди и желание обнять ее. Но через минуту пришло осознание, какой ценой я, по мнению дорогой янки, должен вырваться. Бросить маму и бабушку. Вот как работает безжалостная американская логика! Выбрось тех, кто мешает тебе, и уезжай делать себя! Полный минус вайб...

Цели я достиг: заставил янки сбросить маску. Но что с этим делать, я пока не знал. Потом позвонила мать и вызвала меня на допрос, чему я был рад несказанно, ведь это избавило меня от янки. Она еще получит по заслугам за свой цинизм, но месть я подам холодной.

Глава 7. Кладбищенские страсти

— Андрей, мы на автобусе поедem? — выпрашивала Ляля, пока мы ждали остановки.

Я молчал. В последние три дня у меня не было сил с ней разговаривать. А янки, видя перемену в моем настроении, нервничала и еще сильнее приставала с расспросами. Напрасно она ждала реакции от меня: я уже вычеркнул ее из списка. Сегодня будет кладбище и последний аккорд.

ПАЗик пришел с привычным дребезжанием, как будто издавeка предупреждал: «Держитесь покрепче!» Двери с шипением открылись, и бабки с ведерками и граблями начали штурм салона. Я удержал янки, чтобы она не лезла в эту бесполезную гонку. Мы вошли последними.

Мест нам, разумеется, не хватило. Зато участие в увлекательном аттракционе «Передайте за проезд!» было гарантировано: мы стояли рядом с кабиной водителя, а суровые тетki кондукторши у нас есть только на двух центральных маршрутах. В детстве я всегда балдел с сурового мужика, одновременно крутящего баранку и отсчитывающего сдачу, но мама и слышать не хотела, когда я говорил, что хочу быть водителем или дальнoбойщиком.

Контингент в автобусе был возрастной, и мы с янки сразу привлекли внимание постоянных пассажиров. Они вслух гадали, как нас сюда занесло.

— Как думаешь, Кузьмична, что тут молодняк делает? Инвентаря и цветов нету, так поди гадость какую замышляют!

— И не говори, Людка! Мои в ватсапе⁷ прислали статью о культе, вроде сатанистов. Ходят на кладбища и поклоняются...

ПАЗик занесло на крутом повороте, и у Кузьмичны чуть не улетело ведро, поэтому она не договорила.

— Чему? — спросила первая старуха, которой явно не хватило контекста.

— Ну понятно чему! Все тому же!

Ох, люблю я эти бабкины эвфемизмы! Соня часто щеголяла этим словечком. Она и пояснила мне, что так называют смягчающие слова, которые говорят вместо грубых и пугающих. Эта тема так зацепила меня, что теперь я подмечаю это в своих словах и речах окружающих.

А тем времен бабки жгли дальше.

— Их по внешнему сразу видно: все черные! И лица у них черные и одежды!

— Нерусские что ли? — не поняла собеседница.

— Да нет же! Крашенные они и переодетые.

На самом интересном месте мы подъехали к конечной – входу на Логвинское кладбище. Было даже жаль, что поездка так быстро закончилась, и янки не успела вкусить все прелести нашей провинциальной культуры. Что может быть лучше, чем подышать выхлопными газами, чесноком и салом и послушать рассуждения бабок про сатанистов!

Мы стояли у ограды и ждали, пока хозяйственные старушки войдут на территорию и распределятся по дорожкам. Ляля была какая-то притихшая. Судя по ее поведению, она впервые не поняла моих намерений.

Я повел янки к боковой калитке, и мы вместе зашагали между рядами могил. Петляли минут двадцать: я все пытался вспомнить дорогу. Кажется, нужно было повернуть рядом с ангелом. Это была свежая могила, поэтому я и не смог восстановить ее образ в памяти. В последний раз я был тут в апреле: по заданию матери убирал могилу и передавал какие-то бумаги на захоронение.

⁷ Мессенджер WhatsApp принадлежит компании Meta, которая решением суда объявлена в Российской Федерации экстремистской.

Временами я поглядывал на янки, и чувствовал себя немного маньяком от того, что она так боится. На Ляле было все то же короткое пальто, которое не могло защитить ее от холода. Распущенные волосы лезли ей в глаза от порывов ветра, но она упорно шагала за мной по раскисшей от дождей земле. Зачем я ее мучаю, и зачем она продолжает со мной мучиться? Это был, пожалуй, главный вопрос, на который я не мог ответить в отношениях с янки. За все время у нас не было ни одного нормального свидания, а эта дурочка по-прежнему бегала за мной.

Наконец, дошли. Слава говнодавам, которые янки уважала не меньше меня! Я остановился рядом с могилой, на которой было написано «Левин Юрий Леонидович». За черной оградой стояла поблекшая белая стела, на ней была фотография человека, который умер так давно, что я не успел его запомнить.

— Здесь мы собираемся хоронить бабушку. Кстати, ее зовут Роза. Красивое имя! — сообщил я.

Когда Ляля посмотрела на меня, ее лицо выражало все возможные чувства: от недоумения и страха до сопереживания. Было видно, что она подбирает слова перед ответом. Это было непохоже на янки: она всегда морозила первое, что приходило ей в голову.

— Знаешь, в наших краях есть такая поговорка: где родился, там и пригодился. Не слышала? — сказал я.

Янки отрицательно покачала головой. Чего можно было ждать от этой дурочки? Она и раньше не блистала знанием наших идиом.

— Наши с тобой понятия о проблемах и успехе до фиги разные, — продолжал я. — В этой земле лежит мой дед, здесь будет и бабушка, и мать. Почему ради успеха я должен куда-то бежать и бросать их всех? Хотя о чем я? Твоя американская душа о другом поет.

Во время моей размеренной речи янки несколько раз порывалась перебить меня. На ее лице читалось нетерпение.

— Ты все не так понял! Я не говорила, что нужно уехать, всех бросить и подвести...

Я невесело рассмеялся, чем привлек внимание проходивших мимо старух: они перекрестились.

— Хватит! Я понял как мог, а второго шанса объяснить у тебя не будет. Ты с самого начала твердила что-то про бизнес и успех, но все это ложь и шелуха! — жестко заметил я. — А правда, она здесь, в этой земле. У меня умирает бабушка, мать больна астмой, в прошлом году погиб отец. Вся моя жизнь далека от того праздника, который видится тебе!

И тут Ляля заплакала. Терпеть не могу, когда они плачут! Стою рядом и смотрю как болван. Соня знает это и не плачет при мне.

— Нет, не правда, это не так! — сквозь слезы проговорила янки, глядя на меня с такой искренностью, что я заколебался. — У меня тоже умерла мама! Мне было пять.

— Моя, к счастью, еще жива, — мрачно заметил я.

— Прости, пожалуйста... Я желаю всего добра мира твоей маме! Она замечательная! — сдавленно проговорила Ляля.

Она поняла, что я не собираюсь ее утешать, и прекратила истерику сама.

— Моя мама похоронена в городке Яхатс, штат Орегон. Это Западное побережье, — продолжала Ляля. — После ее смерти мы с папой жили на Аляске, а потом на Восточном побережье. Только один раз у нас была возможность приехать к маме: Яхатс всегда был далеко от папиных кампусов. Наверное, поэтому я так легко говорю о переездах. Прости!

Это объяснение было уже кое-что, но все равно мало, чтобы я простил янки. Никогда не понимал этих охотников за волей и лучшей долей, вроде Ляли и ее отца! Интересно, а во времена Второй мировой они бы на чьей стороне оказались?

Внезапно моя американская подруга умолкла и уставилась на одну из соседних могил с ужасом. Она была свежая, даже памятник еще не успели поставить, только деревянный крест и фотографию умершей.

— Что ты так смотришь? — поинтересовался я.

— Эта девушка... — прошептала янки.

— Что с ней?

— Я ее... видела, когда мы с папой только приехали сюда. Она приходила на производство к его коллеге, — также тихо пролепетала Ляля.

Как же бесит ее манера перескакивать с одной темы на другую! Какой-то шокирующий факт важнее того, что ей только что душу излили! Американская снобка во всем естестве...

— Как думаешь, от чего она умерла? — не унималась Ляля.

Хотелось крикнуть, что мне плевать, но я сдержался.

— Насильственная смерть или несчастный случай. Зачем копать в этом? — произнес я с еле скрываемым раздражением.

Но Ляле было все равно, что я чувствую. Она продолжала свое дебильное расследование.

— Может, автокатастрофа? Или села в машину со случайным попутчиком, а он оказался насильником?.. Интересно, о чем она думала в последние минуты жизни? Наверное, обо всем сожалела. Или отчаянно пыталась убедить себя, что спасется, как в фильмах типа «Городских легенд» или «Поворота не туда». Там героини до конца верят, что монстр где-то позади и еще можно бежать. Так в кино, а в жизни — крест и даты жизни...

Янки так увлеклась, что не заметила мой исход. Пока она распиналась у могилы незнакомки, я уже спешил к выходу. Почему я опять сбежал, вместо того, чтобы объясниться? Хрен знает... Не вынесла душа поэта, — и все тут!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.